

Григорий Яблонский

Всего? Целый год!

О беспривязной журналистике и не только

Одесса, ранняя весна 1963 года. Приехавший из района на попутном грузовике молодой человек старательно очищает в талом снегу у Привоза свои сапоги и добирается чуть дальше – на Куликово поле. Там у постаumenta былому вождю и здание обкома той еще партии. Но пришедшему туда не надо. Ему нужен вход в редакцию газеты «Комсомольська іскра» – а это с левого крыла. И там не требуют партбилет (которого нет). А затертый школьный комсомольский не просят показать даже в этой редакции на верхнем этаже. Но встречают с интересом...

А дело в том, что от молодого специалиста, приехавшего по назначению в здешний совхоз после окончания института в Харькове, редакция этой одесской региональной газеты (она такая на четыре области!) уже получала короткие рассказы по почте. И новые показывает. Читают, смеются: «Автора с юмором ценим и, конечно, будем ставить в наш «Козлотур». Но вот какое дело, друг: нам всегда очень нужны оперативные материалы, тем более из района, из села – от своего автора, специалиста! И какого, кстати? Да ну?! Пишущий ветврач – это ж вообще классно! Тогда прямо из стойла «Козлотура» – и в журналистику: очень нужны корреспонденции в номер, проблемные статьи. А своим пером можешь и очерк выдать... Ну ты даешь!.. Нет, не только про корову-рекордистку!...».

Попасть сразу в «Козлотур» было все же непросто – наверное, большая очередь в этом стойле... Значит, журналистика. Но настоящую тему для нее не выдумашь. И вот после прививок сотен

голов своего молодняка крупного рогатого от ящура (а это в наших загонах было похоже на неравную корриду одного тореро в халате и со спецшприцем!) – когда выдался вроде бы спокойный денек – рядом ЧП!..

В соседнем передовом колхозе (из которого лучшие в области продукты доставляют прямо в обком партии!) на виду у всего большого села и правления – ну очень шумная гулянка! Наверное, свадьба... Она так пела и гуляла, что показалось места мало, «ей неба было мало и земли...». А всех не вместишь в «Жигули»! И с мечтой о ветерке – поехали кататься на грузовике. Со случайно вылетевшими из колхозного кузова. И из жизни!..

На конюшне запряг лошадку в свою спецдвуколку – приехал к соседям вовремя. И там по свежим следам узнал очень много, вначале, показалось, даже лишнего. И этот очерк (учитывая почерк) получился большим – и пошел в номер таким. Больше чем судебным – на суд всей области.

В день выхода газеты был на совещании специалистов в облтресте. Там газету еще не видели (потом понял – оно и лучше: у начальства высокого, районного, всякого – своих «писателей» терпят только ради заметок, где они должны хвалить это начальство и больше никуда не совать нос!).

Успел и в редакцию!.. Молодые коллеги из всех комнат заглядывали в отдел писем, чтобы пожать руку. Запомнился Юра Михайлик, он произнес: «Подвиньтесь, поэзия и проза. Самый трудный жанр – хорошая газетная статья. Только очень хорошая!». Совершенно случайно на столе появилось и алиготе (признаюсь: сам принес). Если честно, был просто рад общению с ребятами, теперь уже и здесь, в редакции, – своими коллегами. И в этот момент возник сам Лис – так задушевно звали здесь своего редактора Игоря Лисаковского. И он ко мне: «Допивай и пошли!..».

В своем кабинетике усадил рядом: «Щас в твоей жизни будет акт большой значимости». Достает голубоватую книжечку с серебристой надписью «Комсомольська іскра» и, раскрыв ее, над званием внештатного корреспондента вписывает меня. Наклеивает фотку. Печать! И вроде совсем уже готовое

удостоверение в раскрытом состоянии – фоткой вверх – кладет на свой стул и сам усаживается сверху: «Это чтоб держалось хорошо!..».

...Лис, видно, пересидел полминуты на этом удостоверении – держалось оно, когда и очень одесской «Искры» с ее местным густопородистым «Козлотуром» не стало. Работал уже в областном центре с создателями новых животноводческих ферм и, гоня по командировкам не только по области, стал «беспривязно» сотрудничать с другими, уже «взрослыми» редакциями – областными, киевскими и даже очень отдаленными (за тысячи км!). Как такое могло быть? Но внештатность – именно она давала такую свободу: самому выбирать темы статей и очерков, фельетонов и рассказов. И это устраивало умных и потому практичных редакторов настолько, что поощряли еще и заказами своего «беспривязного» спецкора.

И творческое одиночество уходило в прошлое. Но удивительно, что первые встречи с умеющими интересно писать друзьями начинались далеко за пределами Одессы – то в самой «Литературке» на ее 16-й полосе, то в сатирических, научно-популярных, тонких и даже толстых журналах. А еще в юморных передачах Украинского и Всесоюзного радио. И даже на ТВ – в «Кабачке 13 стульев»! Там же множество «панских» шуток и реприз были нашими миниатюрами и фразами...

Но рано или поздно четверо одесских «беспривязных» литдрузей должны были встретиться по месту прописки: Данил Рудый, Александр Кедров, Саша Кулич и автор этих строк. Как внештатный корр. облгазеты «Знамя коммунизма» он привел друзей к своему шефу по жанру – легендарному боцману отдела фельетонов Карпу Полубакову. Одесситы со стажем помнят: в такой псевдонимбовой тельняшке невероятно результативно работал ветеран-танкист и талантливый фельетонист (а еще и киносценарист, создатель знаменитых на весь Союз одесских «капустников») Александр Петрович Шнайдер!..

О том, что было дальше, вы уже знаете из раздела «Ах, Одесса» на страницах «Дерибасовской – Ришельевской» № 78. Так началась история создания нашей сатирической газеты.

Но еще не виделась ее будущая редакция... А через четверть века после потери нашего любимого босмана и лидера на выручку только что появившейся на свет «Ах, Одессе!..» пришел из «Юга» мудрый и потому ироничный Павел Шевцов. Нехорошими особами и фактами, явно фельетонными безобразиями стал заниматься уже оставшийся без своих «беспривязных» друзей автор этих строк. А многое замечательное показывал нашим «ах, читателям» своим особым веселым контрапунктом наш богатый всей одесской культурной традицией коллега Феликс Кохрихт.

И давайте наконец уточним: отчаянно смелая газета «Ах, Одесса!..» продержалась в то тяжелое время не «всего один год», а *целый 1991-й год!* И она такая не может быть забыта! Как не должны быть забыты и ушедшие не «по своему желанию» друзья.

Если вы еще не прочитали в 78-м номере альманаха, в разделе «Ах, Одесса» о Даниле Рудом и его сатире в военном мундире, – обязательно вернитесь! Она и сегодня бывает опасна своей высотой.

А теперь после своего старшего – навсегда – друга мне позволено показать и собственную роль в нашей давней «беспривязной» команде. Живой и юморной Саша Кулич сказал так: «Знаю, почему ты, Гриша, со своими героями возишься, как психолог и психотерапевт, – Чехова начитался». Но так оно и было: благодаря его 12 томам, полученным в ранней юности (по первой подписке 50-х годов!) уже незачем было поступать в литинститут или на филфаки. И если Учитель – еще Антошей Чехонте – московский медицинский кончал, то мне по семейной традиции полагалось харьковский ветеринарный.

Ну а то, что стало получаться, еще в начале 70-х заметил друг-сатирик и редактор молодого киевского журнала «Ранок» Андрей Крыжановский. Что он тогда сказал, то и опубликовал: «Чтобы лечить человечество от свинства, надо быть ветеринаром». В тогдашнем совке его отчаянно смелый журнал, конечно, закрыли, жизнь молодого редактора укоротили. Но осталась не только память, но и долг.

В собственной установке: *«Уходить не мож, пока есть твои долги!»*.

На приеме

Психотерапия совка

Проза из цикла «Совок и метла»

– Следующий! – объявил доктор со своим спецмолотком. – Садитесь вот сюда, больной, левую ногу закиньте на правую, потом правую на левую. И не дергайтесь так, больной! Гм... Н-да!..

– Что я, ненормальный? – спросил больной Кобылко.

– Видите ли, пациент, – уклончиво ответил доктор, – утверждать этого никто не утверждает, но кое-какой курс нам с вами не мешает пройти. Так сказать, для профилактики.

– Что я, ненормальный? – повторил пациент Кобылко.

– Наш с вами курс, – успокоил доктор, – совершенно не травмирующий. Можно даже сказать, санаторно-курортный: кое-какие процедуры, душик Шарко и все такое прочее. После чего вы сразу же сможете вернуться в родную семью, которая вас с таким нетерпением ждет...

– Что я, ненормальный? – ответил курортник Кобылко.

– Но вот и сегодня, – продолжал доктор, – снова звонили: и ваша жена, и э-э... мать жены, две ваши милые дочери и три зятя... Да-да, у меня тут записано на полях вашей «истории»: именно три. Задних не пасли – почти всё, что надо, собрали и принесли. И взволнованно спрашивали: когда вас ждать в их тесном семейном кругу?

– Что я, ненормальный? – возразил семьянин Кобылко.

– Вы, дорогой мой, – забарабанил пальцами доктор, – опять сможете влиться в родной коллектив своего учреждения, где трудились на протяжении э-э... последних десятилетий, и где без вас, по уверениям вашего начальника, буквально не мыслят квартала прожить. Кстати, он очень заботливо интересовался: успеете ли вы закончить этот квартальный отчет в установленный срок?

– Что я, ненормальный? – дал понять бухгалтер Кобылко.

– Но почему же вы так!.. – странно замахал руками доктор. – Почему вы, потенциально необходимый член нашего общества, не хотите помочь нам вернуть вас туда же... к общей нормальной жизни?!

– Что я, ненормальный? – отреагировал член общества Кобылко.

– Пациент, что это вы себе позволяете? – передернуло доктора, и он вскочил со своего кресла: – Что вы без конца повторяете: «Что я, ненормальный?! Что я, ненормальный?!..»?

– А вы сядьте на мое место, – предложил пациент Кобылко.

– «Что я, ненормальный?!» – закричал доктор, опрокидывая свой стол...

«Уже шестой, – подбил свой квартальный итог бухгалтер Кобылко. – Разве ж это невропатологи? И почему нам обходится такая бесплатная медицина?!»

Из книги «В карман за словом»

Следы развития человечества: от отпечатков лап до отпечатков пальцев.

Жалоба Удава: «Пресмыкаешься перед каждым кроликом!..»

Аттестация: «Ни зверь, ни ангел, ни рыба, ни мясо».

Паразит, паразитирующий на паразите, – паразит или не паразит?

Техническая характеристика: «Проходимец высокой проходимости».

Верх низости – это где?

Осторожно: дурак, вооруженный идеей!

Какое громадное количество масла расходуем на кукиши!

Из неопубликованных записок Одиссея: «Своя шкура так дорогого Золотого руна!».

Человек не стадное животное, поэтому самое бессмысленное стадо – человеческое.

Культя личности.

Гамлет среди волков: «Выть или не выть?».

Эпитафия: «Фигаро – там».

